

Это первый в моей жизни рассказ, написанный в четырнадцать лет в гетто, по свежим следам трагедии. Немного подредактированный мною позже.

АПТЕКА

Над предместьем Каунаса занялась заря. Проснулась жизнь. Это было серое зимнее утро в Каунасском гетто. По главной улочке, гремя подкованными сапогами, прошли конвоиры. Евреи боязливо пятились в сторону, освобождая дорогу. Слабые лучи зимнего солнца сверкнули на их желтых звездах. Желтые звезды – это знаки, которыми спереди и сзади помечены рабы, чтобы каждый прохожий уже издали видел – идет еврей. Темные фигуры в предрассветной мгле собираются возле ворот гетто. Сюда их согнали полицаи, которые каждое утро в пять часов обходят все гетто и, стуча в окна, кричат: “Aufstehen, aufstehen zu der Arbeit!*” Есть тут женщины, подростки и даже дети. Во мгле все эти люди сливаются в одну темную массу. Строятся колонны. Как длинный червь, извивается бригада рабочих аэродрома. Узники почти довольны, когда широко раскрываются ворота гетто, и они выходят из своего заточения, будто на свободу. Лишь один шаг в сторону – и я опять могу стать свободным, думает узник и с тоской смотрит на прилегающий к мостовой тротуар. По тротуару ходят люди. Евреям и скоту предназначена мостовая. Скот и евреи! Разве это самое плохое соседство? Шесть конвоиров сопровождают нашу бригаду. Шесть стальных штыков только и ожидают возможности впиться в беззащитное тело. Жуть...

В этой бригаде работает и моя соседка Хана. Она болезненная, но отнюдь еще не старая женщина. Только глубокие морщины уже успели избороздить ее усталое лицо. Хана одна должна заботиться о своей семье. Ее муж хронический больной и на работы не ходит. Дети еще совсем малы.

Но разве это так трудно – добыть пропитание своей семье? Всего лишь надо снять желтые звезды и, незамеченной, прошмыгнуть мимо конвоиров. Надо только найти знакомых

литовцев и выменять одежду на хлеб. Надо только, чтобы никто не узнал тебя в родном городе и не выдал фашистам. И если все это тебе удалось, то остается только незаметно внедриться в свою бригаду, прикрепить желтые звезды и продолжать работать, будто никуда и не отлучался. Надо всего лишь не бояться стального штыка. Только и всего!

– Женщины, кричит бригадир, – сегодня нельзя никуда отлучаться, конвоиры очень жестокие. Воздержитесь денек! Воздержаться! Хорошо ему говорить, когда он обеспечил свою семью на несколько дней вперед. Хана сжимает кулаки. Она должна сегодня выйти, обязательно должна. У мужа вчера был сильный приступ и, если она не принесет лекарство, муж может умереть. Хана снимает желтые знаки и незаметно проскальзывает мимо конвоира. Она спешит, очень спешит в город, в аптеку.

– Господин, – дайте мне, пожалуйста, лекарство, – обращается она к аптекарю.

– Какое лекарство? Рецепт, – холодно цедит сквозь зубы аптекарь.

Ах, рецепт... Да, да, она совсем забыла об этом. Что же теперь делать? Ее руки нервно роются в карманах. Эти нервные руки намного проворнее ума. Ум ее совсем оступел, она больше ничего не соображает. Дрожащие руки уже нашли что-то в кармане, уже что-то подают аптекарю. Вот ее рецепт.

Прекрасно! Ведь у нее есть рецепт! Как она могла забыть об этом! Хана умоляющим взглядом смотрит на аптекаря. Аптекарь недоуменно смотрит на нее. Взгляды, взгляды! Они говорят так много и так мало. С грохотом открывается дверь, и в аптеку вваливается нацист. Он сразу замечает две желтые звезды в руках аптекаря.

– А, Jude! – кричит он в бешенстве и бежит к телефону. Хана, как пойманная птица, пытается вырваться и бросается к дверям. Но ее окружают фашисты и уводят.

Перед ее взором всплывает огражденное колючей проволокой гетто, ее бедный больной муж, голодные дети. Она обязана

вернуться к ним, обязана принести хлеб и лекарство. Лекарство и хлеб! Разве это так уж много? Хана кидается в сторону. Раздается выстрел. Женщина падает. Снег, медленно краснея, тает от теплой крови...

1943, 1975

** Поднимайтесь, поднимайтесь на работу! (нем.)*